

ГРАФИНЯ ПУТТКАМЕР ИЗ ВЕРЕЩАКОВ И ЕЕ УСАДЬБЫ

А.Т. Федорук, г. Минск

Имя Марыли Верещако, как и имя А. Мицкевича, хорошо известно в Беларуси и далеко за ее пределами. В меньшей степени известна жизнь Марыли-графини Путткамер, которая протекала в двух вороновских усадьбах – Больтениках и Бражельцах. О жизни графини, об этих усадьбах, изученных нами в последние годы, мы обращаемся в настоящей публикации*.

Больтеники. По данным реестра подымного Великого княжества Литовского за 1690 г. в Болциниках (Bolciniki) владельцем четырех дымов, корчмы, мельницы и рудни был пан Петельчиц. Пан Зембло (Земло) и пан Стефан Хрептович имели по одному дыму. В это время Хрептовичам принадлежало ряд владений в Ошмянском повете: Вишневец (держал в заставе Сулистровский), Куженец (владел Людвик Хрептович), Гедейки, которые в заставе с 1860 г. от Адама Литавора, воеводича новогрудского, держал Ежи Вавжинец землю.

Примерно в начале XVII в. Яну Хрептовичу, воеводе новогрудскому, в виде приданого Сузанны Нонхарт отошли соседние Гойтюнишки, которыми затем владел Адам Литавор Хрептович, женатый на Эльжбете Исайковской. В начале XVIII в. от Хрептовичей Больтеники и Гойтюнишки перешли к Шреттерам герба Любич, роду инфлянтского происхождения (Инфлянты или Ливония – это земли Восточной Прибалтики, колонизированные немцами в XIII в.). Известностью пользовался Ян Шреттер (1646–1726). Он имел в Вильно каменицу (по ул. Замковой), двор (за брамой виленской) и ряд владений в Виленском повете. Примерно с конца XVII в. Ян владел Больтениками. К этому роду принадлежал Иоганн, известный художник, который в 1641–1685 гг. работал в Вильно, Гродно и Несвиже. В Гродно писал иконы для костела бригиток. В Несвиже написал портрет Кристины Евхимии Радзивилл, Катажины и Марии Радзивилл.

В 1723 г. через второй брак с Доротой Шреттер из Гойтюнишек перешли стольнику инфлянтскому Вавжинцу Путткамеру и стали родовым имением линии рода в Беларуси. Путткамеры были евангелистами, принадлежали к старой инфлянтской шляхте. Браки стремились заключать со своими одноверцами. Этому роду, его шести поколениям, принадлежало имение до 1939 г.

Сын Вавжинца, также Вавжинец (умер в 1809 г.), генерал-адъютант, был женат на Дороте Цадровской из Осташина (д. Осташин, Кореличский район). Внук Александр, генерал, камергер короля Станислава Августа Понятовского, женился на кальвинке Каролине Стриенской, рано умершей.

*Выражаем большую благодарность Ю.К. Сульжицу за содействие в их изучении, и С.В. Суцкелю, гиду в Бражельцах.

«Упадок Отчизны» после наполеоновских событий, смерть любимой жены привели Александра к пожизненной меланхолии, что сказалось на состоянии имения. Оно, а также соседние Бражелъцы и небольшое имение Унехово (д. Унехово, Кореличский район), оказались запущенными и обложенными долгами.

Новый наследник сын Вавжинец (1794–1850), женатый на Марыле Верещако, долго рассчитывался с долгами, старался повысить доходность имений. Унехово отдал в виде приданого сестре, которая быстро овдовела и также испытывала материальные трудности.

Граф, по выражению Марцели Косман, относился к числу неординарных, хотя не популяризованных личностей. Воспитывался дедушкой и няней Гриндзой. Отставной генерал сыграл большую роль в становлении характера и мировоззрения юноши. В 1807 г. он отдал внука в публичное евангелистское училище в Слуцке, в которое в 1778 г. была преобразована кальвинистская гимназия, организованная Янушем Радзивиллом при кальвинистском зборе. В 1812 г. окончил физико-математический факультет Виленского университета со степенью кандидата философии. Посещал лекции Лелевеля и других профессоров. В войне 1812 г. был сторонником Наполеона, участвовал во многих сражениях, под Лирским в Пруссии лошадь под ним была убита, а сам он контужен. Вернувшись из плена домой, вел хозяйство в Унехове, имении недалеко от Туганович, где познакомился с семьей Верещаков и 14 июля 1819 г. оставил на шестой странице штамбуха Марыли свое четырехстишие, символ своей зрелости и любви.

Граф постоянно занимался хозяйственными делами и проблемами гмины евангелистской в Литве. В 1821 г. избирается куратором Синода Евангелистско-реформаторского, ведет дела, связанные со строительством Слуцкой кальвинистской гимназии, в которую было преобразовано училище, в котором он сам учился. Как куратор Синода торжественно заложил краеугольный камень под здание будущей гимназии.

Пытаясь поднять доходность имений, улучшить положение крестьян, занимался реформированием хозяйства. В 1828 г. заложил паперню, по образцу которой производство бумаги началось и в соседних имениях. Затем построил небольшую суконную фабрику, кожевенное предприятие. Занимался выращиванием свеклы и сахароварением, построив предприятие по своему проекту, завозил семена свеклы, раздавал их огородникам, пытался организовать акционерное общество, но не всегда получал понимание и достойную поддержку со стороны других помещиков.

Вавжинец был озабочен жизнью крестьян и не улучшал свое материальное положение в ущерб их состоянию. В 1846 г. становится маршалком шляхты Лидского повета и продолжает быть защитником прав крестьян, за что «пана добродея» начали называть «маршалком холопов», а не шляхты. Подготовил ряд социальных проектов: отмены крепостного права, открытия в Вильно типографии под эгидой объединения поляков в целях

развития культуры в Литве, покровительства над национальным языком. Был убежден, что «... чем больше класс крестьян образован, тем в большей степени он знает про необходимость улучшения своего быта».

Станислав, ставший наследником отцовских владений, писал об отце, «светлом обывателе и патриоте»: «Его основное желание – поднять моральность и материальное состояние крестьян, дожить до их освобождения от крепостной неволи».

В 1850 г. после смерти Вавжинца, решением фамильно-опекунского совета, Больтеники сдаются в аренду по причине малолетности наследников-детей. После окончания учебы в Киеве наследником становится Станислав (1828–1904). В 1853 г. он женился на Фелиции Кеневич, дочери Ипполита с полесского имения Ипполитово. Имение Больтеники в 1861–1865 гг. включало д. Кемели, Жиги, Визгирды и Бражельцы с числом ревизских душ 141. В 1904 г. имение перешло сыну Вавжинцу (1859–?), который перестроил усадьбу, заменив старый путткамеровский дом новым, дошедшим до наших дней. В 1905 г. имение с фольварком Польцишки включало 495 десятин земли, дворовых имелось 12 человек. Вавжинцу принадлежало также маленькое имение Склетунишки (31 десятина) с 3 дворовыми.

Старый усадебный дом Путткамеров в Больтениках был построен примерно в последней четверти XVIII в. в формах переходных от барокко к классицизму. Здание известно по рисунку Н. Орды. Оно было небольшим, каменным. Имело высокую четырехскатную ломаную крышу из гонта, мансарду с балконом, который поддерживался двумя парами колонн, образующих портик. Дом, внешне был скромным, типичным для своей эпохи, внутри имел вид, соответствующий графской фамилии. В доме имелись красивые кафельные печи и камин, потолки украшала живописная роспись на библейские темы. Одной из них была греческая сцена с Аполлоном. После 1821 г. Вавжинцом дом обновляется и обставляется новой мебелью в стиле ампир.

Перед домом располагался традиционный газон с подъездным кругом, а с правой стороны по краю газона стояла небольшая деревянная oficina. По оси здания шла липовая аллея. За домом на слегка всхолмленном понижении располагался пейзажный парк, за которым, огибая усадьбу с северо-восточной и восточной сторон, протекала небольшая р. Грожулка (Брожулка), впадающая в Сельчу, в месте расположения другой усадьбы Бражельцы.

В 1890 г. старое семейное гнездо разобрал внук Вавжинец и начал строить новый дом в стиле английской псевдоготики из красного кирпича по проекту известного архитектора Тадеуша Ростворовского. Оформление интерьеров вплоть до формы дверных ручек вел сам владелец. Строительные работы проводили виленские ремесленники. Они изготавливали мебель. Диваны и кресла, декорированные позолотой, выполнил виленский столяр в стиле Людовика XV по образцам, представленным Слизнем, который владел хорошим вкусом и большими коллекциями в Вильно. Здание выделяется

усложненной ассиметрично-объемной пространственной композицией. Его два боковые объема (одноэтажный и двухэтажный) объединены поперечным одноэтажным корпусом с арочно-колонной галереей на парадном фасаде. Ризалиты объемов заканчиваются острыми треугольными фронтонами, которые вместе со сложным сочетанием острых крыш, придают ему необычный вид. Стрельчатые и лучковые окна представлены в разных комбинациях. Обрамлены живописными наличниками в виде особой кирпичной выкладки. С тыльной угловой стороны выражены полуциркульные проемы (теперь заложены) бывшего зимнего сада.

Наиболее репрезентативными помещениями были прихожая, салон (парадный зал), кабинет и столовая. Салон имел оформление в духе рококо, столовая – ренессанса. Мебель кабинета, большие библиотечные шкафы, письменный стол, диваны и кресла из красного дерева с накладными бронзовыми украшениями, соответствовала стилю Яacob. Потолок в столовой был выложен дубовыми досками, из дуба были изготовлены также двери. На стенах висели фамильные портреты. В комнатах имелись кафельные печи (три сохранились), камин, библиотека. Книги собирали Вавжинец и Марыля. Они имели все издания А. Мицкевича, поступавшие в Вильно. В доме хранилась корреспонденция Марыли, в основном к мужу, когда он по разным делам надолго уезжал в Вильно и в Слуцк по делам строительства.

Со строительством нового дома старый парк был расширен и несколько перепланирован виленским садовником Павловичем в духе пейзажных натуралистических парков. С двух его сторон вдоль ограды (сохранились фрагменты в основном из камня) были заложены липовые аллеи. Аллеи неширокие (ширина 6 м, в ряду деревья посажены через 5 м) хорошо сохранились. Липы сомкнулись кронами, образуя зеленый свод. В аллее, расположенной между парком и садом вместе с липой сердцевидной растут одиночные липы крымские, выделяющиеся темно-зеленой блестящей листвой и более поздним цветением.

В основу планировочного решения нового парка положен принцип сочетания небольших древесных массивов, групп и полян. В группы в качестве акцентов были введены редкие иноземные виды, культивары, выделяющиеся формой и окраской листвы (особенно осенью), габитусом. Группы не перекрывали друг друга и хорошо просматривались с прогулочного маршрута, который проходил по липовым аллеям.

Время изменило состав групп, частично заросли поляны парка, но в целом он хорошо сохранился. Деревья достигли возраста спелости и высокой декоративности. В парке в 1969 г. имелось 60 наименований древесных растений. Здесь растут крупные деревья липы обыкновенной или голландской, оставшиеся от старого парка, разные виды клена (явор, серебристый, Гиннала, красный), липа крупнолистная, конский каштан, орех серый. Имеется очень редкая садовая форма 'Palmatifidum' клена остролистного с листьями, рассеченными почти до основания на глубоколопастные доли.

Имелось в парке много хвойных видов. Они росли в виде групп или солитеров, оживляя зеленью насаждения в безлистное осенне-зимнее время. В одной из групп сочетались жетсуга Мензиса, лиственница Кемпфера, лиственница европейская и сирень венгерская. Небольшой массив из сосны обыкновенной с елью дополнялся сосной веймутовой, а еловая группа – сосной кедровой сибирской. Редкие виды частично сохранились. В разных частях парка росли ели колючие голубые, туи западные. Под липами стояли простые деревянные скамейки. Имелось в парке много цветочных растений: пионов и особенно нарциссов и лилий. Особым парковым деревом являлась старая белая акация, выращенная Марылей из семян, присланных Антонием Одынцом из Рима. Деревя не стало. Сохранилось несколько порослевых экземпляров около дома.

С южной липовой аллеи открывается живописная перспектива на пойму ручья и заречные дали. На ручье жили бобры. В годы строительства новой усадьбы был устроен большой водоем, называемый «морем Марыли». За ним располагается древесный массив «гаёк».

Марыля с мужем жила в старом путткамеровском доме, несколько обновленном и заново меблированным. Переехала в этот дом не сразу после свадьбы. Некоторое время они жили в Унехово, приезжая время от времени то в Бражелъцы, то в Больтеники, пока здесь велись ремонтные работы.

Марыля становится хозяйкой большого шляхетского двора со всеми заботами, радостями и печалью. Ее детские годы и юность прошли беззаботно в добротной, хорошо устроенной тугановичской усадьбе, под сенью деревьев обширного пейзажного парка, в атмосфере английских и немецких романсов, французских романов, пения и музицирования на фортепьяно, чему учили французы-эмигранты Монаре и Фроке, итальянец Бронетти, долгих бесед на французском языке с приятельницами и друзьями.

В роль хозяйки имения входила медленно и, скорее всего, неохотно. Первое время жила без радости, больше в смятении, в переживаниях. Была переполнена болью за свое положение – «я живу, чтобы терпеть», не имея сил заглушить воспоминания об Адаме и стать любящей женой. По выражению А. Одынца, была для Вавжинца не женой, а «душевной сестрой и преданной приятельницей». Ее состояние понимал влюбленный Лоренц, так на французский манер называла его Марыля, и по-своему вежливо и учтиво любил жену.

Домашние дела и заботы молодой графини первоначально имели вид идиллии, но не экономии. Она обходила конюшни, баловала лошадей сахаром или солью, окруженная домашними птицами, сыпала им зерно с корзины. О ее птичьих заботах Одынец писал А. Мицкевичу, и он в «Пане Тадеуше» рисует образ Зоси с ее «птаством».

Как и раньше в родительском доме, читала, музицировала, имея композиторские способности, составляла мелодии, пародировала на салонный манер народные белорусские песни (перевезла из Туганович фортепьяно с

очень приятным звуком), вела корреспонденцию. В 1821 г. писала Адаму: «Миллион раз благодарю за божественную поэзию... Чудесно! Читаю ее и перечитываю по тысячу раз и удивляюсь твоей гениальности и таланту». Ездил верхом по околицам на своей кляче Хуризе, тоже из Туганович, навещала Тугановичи, где хозяйничал Юзеф, Плужыны, где вместе с братом Михалом, таким же начитанным, возвышенным романтиком, но замкнутым и малоразговорчивым, жила мать Франтишка из Анцутов. Имела покоевку и сердечную подругу Розалку. Все хозяйские заботы лежали на Гриндзоне, доброй старой пани, няне Вавжинца, преданной дому Путткамеров.

Графский дом, выложенный из красного кирпича, словно замок, был охвачен безмолвной грустью. Радость для Вавжинца составляли добрые отношения, которые сложились между невесткой и отцом, который вел скромный образ жизни, был в душе поэтом, писал стихи на смерть жены, но никому их не читал. Свекра и невестку сближало что-то общее. Он оплакивал жену, а Марыля – утраченную надежду личного счастья. Она всем сердцем привязалась к нему, была для него дочерью и покровительницей, много с ним гуляла, старалась всем угодить, скрасить невеселую долю «деликатного старого пана».

Вавжинец, как пишет Д. Вавжиковска-Вертихова, терпеливо переносил каприз жены, и в 1822 г. предлагает пригласить на «Зеленое свято» поэта в Больтеники и она принимает предложение. Адам гостил две недели. Мудрый, благовоспитанный Лоренц не сгорал от ревности. Он как бы старался помочь Адаму перенести его сердечные переживания. Относился к поэту с глубоким уважением, высоко ценил его поэтическое дарование. А. Одынец, находясь в 1823 г. в Больтениках, больше всего был удивлен, что с первых слов разговора о поэзии, Вавжинец «так естественно и влюблено» отозвался о поэзии Мицкевича. Граф, по воспоминаниям сына Станислава, любил литературу, искусство и особенно поэзию и музыку.

Место встреч и видимо последнего прощания Маобыли с поэтом был небольшой древесный массив-гаек, названный позднее приятелями «Гайком Марыли». Со слов Марыли, состоял из хвойных пород, в основном ели. Был угрюмым и мрачным даже летом. Под полог понурых елей почти не проникал свет. Здесь они пережили минуты взаимного счастья и, кроме того, гаек стал для Марыли «большим уроком».

Позднее Марыля вложила в «Гаек» романтический мотив, превратив его в свою «Świątynię dumania». Сама очистила, пользуясь топором и лопатой, положила плоский валун в виде надгробной плиты и как подает А. Одынец, выбила крест и слова «Przeszłości i Nadziei»*. Памятный валун сохранился, врос глубоко в землю. Его окружают уже не ели, а лиственные деревья. В 1925 г., по воспоминаниям Геронима Морстина, слова уже не читались, крест в виде

*По другим данным, крестик высек Адам в память о романтической любви.

глубоких узких бороздок хорошо выражен и теперь.

Постепенно Марыля приходила к жизни. Входила в ту роль, которую угодила ей судьба, начинала понимать «потребность своего нового дома». Гриндзона, которую она умела уважать, ценила ее заслуги и старания, часто болела, сказывался возраст. Все хозяйские заботы по дому и двору переходили к графине. В старый графский дом она вдохнула свой дух. А. Одынец в «Воспоминаниях о прошлом», частый гость Путткамеров, так писал о доме: «все там дышало и было проникнуто поэзией, начиная от самой пани и до наимельчайших деталей ежедневной жизни. На первом месте чувствовалась эстетичность и приятность, нежели материальная польза».

В 1823 г. А. Одынец посетив очередной раз Больтеники, увидел Вавжинца и Марылю на крыльце дома и оставил радостную запись: «он дородный красивый блондин, а она в белой юбке, подпоясанная черным пояском, подстриженная коротко, в округлом соломенном капелушке. Идиллия супружеская и идиллия сельская!» Несколькими словами Одынец передал образ Марыли. К чему добавим, что может она была внешне и обычна, но друзья Адама Мицкевича «восторгались ее духовной красотой, поражались начитанностью, умением поддержать беседу – даже не умением, а искусством...»

К Путткамерам тянулись соседи, для них Марыля была «магнитом». Она всем была рада и готова была каждому сделать приятное. Из Заполья приезжал Игнатий Домейко, живший у сестры под надзором полиции, в 1823–1826 гг. – А. Одынец. В письме к Яну Чечоту в Уфу после 1829 г. Марыля писала, что устроила свой будуар, библиотеку. Хотела бы иметь перу хороших книг о хозяйстве, огороде, птицах и «невинных овцах». Она не просто переписывалась с ссыльными филоматами, переживала за них, всячески помогала материально, посылала книги, фотографии, подарки. Профессор Пигон назвал Марылю «призванной высшей силой покровительницей и добродетельницей ссыльных филоматов».

Сами Путткамеры не часто, но выезжали в Вильно, любили посещать Яшуны в Литве, где жили Балинские. Михал Балинский был женат на дочери профессора Яна Снядецкого (1756–1830), сестре Людвики, возлюбленной Словацкого. В Яшунах бывал сам профессор, известный астроном, математик, философ и просветитель, суровый критик поэзии Мицкевича. В разговоре с ученым Вавжинец всегда был на стороне поэта, с запалом хвалил его поэзию, которую высоко ценил и по-настоящему любил. Духовность сближала Марылю с мужем. В молодом возрасте он сам делала пробы пера, написал элегию, посвященную памяти Тадеуша Костюшко.

Неотъемлемой частью жизни шляхты того времени были охоты. Любил охоты Вавжинец и устраивал их ежегодно зимой, наделяя дом и Марылю большими заботами. В намеченный день съезжались люди с собаками. Псов гончих набиралось около 20, и около десятка других собак. Марыля конно

везла в лес завтрак, а вечером все возвращались в дом, где были уже накрыты столы, к горящим каминам и теплым печам.

Радость пришла в дом с рождением детей. В 1827 г. (или в 1825 г.)* родилась девочка Софья. Смех и радость ребенка заслоняли все мысли о прошлом. В 1829 г. (или в 1828 г.) родился Станислав, наследник владений. В 1835 г. – Хелена, в 1838 г. – Каролина. В письмах из Уфы Чечот желал Марыли быть «любимой матерью, доброй женой и кемливой хозяйкой».

Много переживаний принесли семье события 1831 г. Путткамеры не остались от них в стороне. Марыля готовила перевязочный материал, Вавжинец снабжал восставших сукном своей фабрики. В 1833 г. нагрянула полиция, перевернула весь дом, забрала все бумаги, касающиеся филоматов. Вавжинец с Марылей оказались в Виленской, а затем в тюрьме в Гродно.

С каждым годом Марыля все больше вникала в жизнь имения, входила в дела женские и хозяйские. В одно время увлеклась выращиванием индюков, продажа которых в Вильно приносила некоторый доход. Растила, воспитывала детей. Спешила к больным, интересовалась детьми крестьян имения. В дни жатвы сама везла на поле квас. В 1841 г. с радостью готовилась к приезду Томаша Зана, который больше всех потерпел за дела филоматов. Встречала Зана со Станиславом в Вильно, хотела иметь его домашним учителем сына, но на это требовалось специальное разрешение из Санкт-Петербурга.

Жизненный путь графини не был устлан цветами и не был таким романтическим как в молодости, хотя любящий Лоренц был рядом и не раз говорил: «мы не можем обижаться на жизнь, ибо Бог дал нам Зосю славную, доброго Стася и того голубочка» (имелась в виду Каролина). Незаметно Софья выросла. Пению она училась у Ксаверии Деубель, потом брала уроки пения у Станислава Монюшко. Радовала мать пением баллад и романсов Мицкевича, напоминая о далеком прошлом. В 1847 г. Софья становится женой Андрея Калиновского, школьного инспектора Института шляхетского в Вильно. Марыля не пыталась отговаривать дочь, хотя Андрей был вдовцом, имел пятеро детей. Привлекал, как писала Каролина, начавшая вести свой дневник в 1847 г., обаянием, ученостью, хорошим характером. Венчание состоялось в костеле в Беньконях, свадьба – в Больтениках. Шаферками были Юля и Мария Балинские из Яшунов, шаферами – братья Станислав и Казимир, сын брата Юзефа.

В 1850 г. (30 января) скоропостижно скончался Вавжинец. Станислав вспоминал, что перед последним вздохом отец слабым голосом произнес слова псалма, который перед смертью пел любимый дед, отставной генерал. Вавжинец всю жизнь руководствовался принципом, перенятым от деда: «Пусть лучше мне обиды, лишь бы я не обидел никого». Прощаясь навсегда со своим другом А. Одынец сказал: «... это самый добросовестный, самый приятный

*В разных источниках даты рождения детей разные.

человек..., ... был действительно очень идеальным». Неслучайно он стал прообразом графа в «Пане Тадеуше». Похоронили Вавжинца в Вильно. На надгробной плите были выбиты также слова А. Одынца: «Przechodniu stój! Wo stoisz nad męża mogiłą, co myślą stał na czasie swego wysokości serce jego dla cnoty i dla prawdy było, a życie jego pasmem ofiar było służąc ludzkości w Bogu, a Bogu w ludzkości».

Сердечно оплакивали доброго пана крестьяне. Они сами заказывали богослужения в костелах и церквях. Марыля тяжело перенесла утрату человека, которого всегда ценила и уважала, но незаслуженно поздно ответила взаимностью. Она осталась одна, до конца жизни в черной одежде, с заботами семейными, хозяйственно-административными и все еще с задолженным именем.

Бражельцы. Усадьба была заложена на террасе, в том месте, где р. Сельча делает плавный поворот и, приняв в себя воды р. Бружалка, уходит в сторону Литвы. Обе реки мелководные, но быстротекущие, с хорошо просматриваемыми песчаными руслами, переувлажненными неширокими поймами и высокими, круто обрывающимися правыми террасами.

В усадьбе имелся небольшой усадебный дом, в котором, начиная с февраля 1821 г., время от времени останавливался Вавжинец и Марыля, приезжая из Унехово или Больтеник. Здесь проходили невеселые дни молодой графини после замужества с постоянно неизгоняемыми мыслями о поэте. В 1821 г. из Бражелец, как свидетельствует Шимон Матишак («Хронология писем Марыли Путткамер до А. Мицкевича»), были высланы первые четыре письма Адаму, написанные в феврале и марте месяце. В Бражельцах Вавжинец Путткамер осуществлял свои экономические планы, используя р. Сельчу. Была построена дамба, и воды Сельчи залили пойму реки, образовав вытянутый до двух километров водоем. На другом берегу реки строится мельница. При мельнице работала фабрика сукна и паперня (бумажная фабрика), которая сильно потерпела от российских солдат в 1831 г., а в 1851 г. сгорела.

От мельницы сохранились только руины фундаментов, да вздохи старожилов, пользовавшихся в прошлом ее услугами. Давно спущен водоем, длинное водное зеркало которого, являлось главной доминантой маленькой просто устроенной усадьбы, строения которой стояли на берегу.

Марыля любила Бражельцы, эту тихую живописную местность, где совсем маленькая Бружалка торопливо несла свои воды в Сельчу, где утопали в зелени цветущих трав небольшие поймы, где весной воздух переполнялся пением птиц. «Нигде так красиво соловьи не поют, как именно над Сельчой», — писала в одном из писем Марыля. Бражельцы в отличие от Больтеник освободились от давних долгов деньгами от ее приданого (в суме 81000 злотых).

В Бражельцы часто приезжала с детьми, проводила здесь лето. В 1833 г. сопровождала восьмилетней Зосе на фортепьяно, которая пела одну из песенок (спевков) Яна Чечота, посвященную Сельче. Текст песни ссыльный Ян,

проживающий уже девятый год в Уфе на Урале, переслал Михалу Верещако с просьбой передать Марыли. В 1848 г. к матери приехала Софья со своей маленькой Эмилией и детьми мужа. Их семья продолжала увеличиваться. В 1851 г. родился Александр, в 1854 г. – Моника и в 1859 г. – сын Ежи.

Старый обветшавший дом Путткамеров становился тесным и в 1850-1851 гг. Марыля энергично берется за обновление и расширение усадьбы, в которой, после женитьбы Станислава, осела уже навсегда. Станислав с Фелицией стали жить в Больтениках. Их свадьба состоялась в начале 1853 г. в Павлиново на Полесье, в доме Ипполита. Из-за тяжелой зимней дороги Марыля не была на свадьбе, но вскоре в Вильно встретила с невесткой.

Новый деревянный дом с крыльцом строится в наиболее приподнятом месте на берегу р. Бружалка. Место его расположения прослеживается. И теперь, находясь на этом месте, по-прежнему ощущается красочность перспектив на струящуюся внизу Бружалку и спокойно уходящую вдаль, более широкую Сельчу. От спихлера, который стоял слева от подъездного круга, осталось догнивающее нижнее бревно. Место хозяйственных построек указывает старый тополь белый. От четырехквартирного дома рабочих на берегу Сельчи сохранилась часть стены высокого фундамента, сложенная не из крупных камней, как обычно делалось, а из мелкого полевого камня. По гребню террасы растут очень старые ивы ломкие, черемухи, перевитые хмелем, образуя непроходимые заросли, и закрывая виды на место бывшего водоема, ложе которого сплошь поросло буйным крупнотравьем.

В эти же годы Марыля закладывает «парк прогулочный и огород овощной». В соответствии с модой времени, парк был пейзажным и видимо не без романтических мотивов. В эпоху романтизма именно женщины, хозяйки усадеб, оставили заметный след в паркостроении Беларуси. Марыля бывала у Свенторжецких в Малиновщине (д. Малиновщина, Молодечненский район), где уже имелся пейзажный парк с мотивами романтизма, заложенный по проекту итальянского архитектора Юстиной Свенторжецкой. С Бригидой, дочерью Юстины, ставшей женой Томаша Зана, Марыля была в дружественных отношениях. В августе 1855 г. она получила ее письмо, полное горечи и боли в связи с «утерей Ангела, который был для меня целым миром и единственным счастьем на этой земле. Утеряла мужа, опекуна, отца...»

В заботах семейных и хозяйственных шли годы. Много сил отдавала обучению Каролины. Сама учила ее литературе, французскому языку, подбирала лучших учителей по пению и рисунку. Учила в старом классическом духе тому, что ценилось в салонах: знанию языков и литературы, игре на фортепьяно, пению и рисованию. Зять А. Калиновский отмечал хорошее домашнее воспитание Каролины, ее образованность. Подрастали внуки. Эмилию начала учить тоже французскому языку. Купила ей новое фортепьяно. В 1851 г. писала сыну, что на старости лет (а было ей всего 52 года) она думает только о детях и только в них ее жизнь.

Марыля имела салон в Вильно, в котором по вечерам за чашкой чая собирались Ледоховские, Тышкевичи, Плятеры, Лопатинские, Оборские и др. Салон посещали литератор Р. Подберский, Владислав Сырокомля, А. Одынец, Бенедикт Турский, маршалок шляхты, Козловский и Станислав Красинский, ставшие позднее бискупами, и др. Собравшись, читали стихи, слушали фортепьянную музыку или просто вели светские разговоры.

Год 1855 выдался особенно тяжелым. Пожар унес дворы крестьян, начались работы по оказанию помощи погорельцам. Во Дворце (д. Дворец, Дятловский район) на руках Марыли умирает любимый брат Михал. Его смерть искренне оплакивали все крестьяне имения. Михал не имел наследников и библиотеку завещал Марыле. В этом же году она узнает о смерти Целины, жены Мицкевича. «Бедный, бедный... все на него валится», – писала Марыля Балинским в Яшуны. Затем не стало Адама. В 1856 г. умер брат Фелиции, владелец имения Ипполитово на Полесье.

Все переживания слились в одну большую безмерную боль. Плакала о несбывшемся счастье молодости, по умершим, по осиротевшим детям поэта. Весной из Вильно вернулась в Бражельцы. Цвели сады, пели жаворонки, природа ликовала, давала силы жить, служить живущим. Двор был переполнен птицей (куры, гуси, индюки), а голова бесконечными хозяйскими заботами.

Зимой 1858 г. Бражельцы посетили Горецкие. Известный живописец Тадеуш Горецкий (1825–1868), ученик В. Ваньковича и К. Брюлова, автор многочисленных картин, таких как «Исповедь молодой девушки у католического священника», «Христос благословляет детей», «Последнее причастие», был женат на Марии Мицкевич, дочери поэта. Мать Тадеуша была доброй приятельницей Марыли. Они вместе помогали ссыльным филоматам, а затем сосланным в Сибирь участникам восстания 1831 г. В Бражельцы приехали все трое. Позже Марыля выслала Горецкой миниатюру Адама, которого называла «Nieśmiertelnym» и написала ей письмо. «Суббота. Вечер. Бражельцы. Спешу послать Вам миниатюру Папы Бессмертного. Была сделана за два дня до его отъезда с краю 1824 г. и очень была тем временем похожа. Пусть остается у Вас до того времени, пока Пан Тадеуш своей мастерской кистью ее скопирует...» В 1860 г. Ян Рыхлевич попросил руки Каролины. Начала готовить приданое. Венчание состоялось в Беньконях, свадьба в Больтениках, в доме брата. После смерти отца он являлся главным опекуном матери и сестер. Шаферками были Мария Мержеевская и Эмилия Калиновская, дочь Софьи, шаферами – Кароль, Габриель, Виктор и Юзеф, сыновья Калиновского. После отъезда Каролины с Яном в его имение Руткевичи (д. Руткевичи, Щучинский район) Марыля в Бражельцах осталась одна.

Очередной неприятностью явилось увольнение А. Калиновского с должности директора шляхетского института. Возникли материальные трудности в семье Софьи. Она хорошо пела, но обремененная большой семьей, не смогла стать артисткой, выступала только в любительских концертах. Занималась гуманитарной опекунской деятельностью среди бедных.

В 1860 г. в Вильно состоялась встреча Марыли с Владиславом, сыном Мицкевича, приехавшим из Парижа. Он посетил Новогрудок и Тугановичи. По его просьбе живописец Винцент Дмоховский нарисовал картины «Дом Мицкевича в Новогрудке», «Усадьба в Тугановичах». Позже Франтишек Верещако изготовил копии и переслал Владиславу, чем заметно расширил поле легенды о Тугановичах и Марыли.

Слава, которая шла о поэте, не приносила ей радости, а скорее боль. В детстве дочери пели баллады Мицкевича, а когда повзрослели, реагировали протестом.

Год 1863 и политические события с ним связанные принесли новые огорчения. Были арестованы сыновья Калиновского, Константин Тугановский из Туганович, Ян Рыхлевич. В четвертый раз ходила Марыля вокруг виленской тюрьмы, в которой вместе с Вавжинцом коротала тягостные дни 1833 г.

Неспокойный год 1863 был последним в жизни Марыли. Она умерла в ночь с 27 на 28 декабря. Бражельцы опустели. Последними были слова: «За край, за мучеников».

Затем фольварк принадлежал сыну Каролины Станиславу, родившемуся в год смерти бабушки, и его дочери Янине, которая стала женой Адама Жолтовского. В 1923 г. Жолтовские распарцеллевали земли. Купил 8 га Суцкель Станислав Винцентович, наш гид в 2005 г.

Усадьбы утеряна, продолжает зарастать. На месте парка давно уже поле. На Бружалке живут бобры, валят старые яблони сада Жолтовских и строят плотины. Здесь и теперь тихо и красиво. Кругом луга и поля, среди которых разбросаны хутора. Журчит, не поддается бобрам, находит новое русло Бружалка. По-прежнему заливаются, поют соловьи. Сбылись слова последнего четверостишья песни Яна Чечота, которая когда-то звучала в Бражельцах:

... A może wieki przemina
I nas już nigdzie nie będzie,
Lecz dusze nasze nie zgina,
Cień nacz te brzegi osiędzie.

Графиня Путткамерова покоится в Беньконях около ограды костела Иоанна Христителя, построенного в 1900–1906 гг. на месте старого деревянного, в котором часто бывали Путткамеры. На памятнике скромная эпитафия: «Вечный покой дай ей Пане». Рядом покоятся дочь Каролина графиня Путткамерова Янова Рыхлевичева (умерла в 1923 г. в возрасте 83 лет) и жена сына Фелиция из Кеневичей графиня Путткамерова (умерла в 1899 г. в возрасте 68 лет).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косман М. Праўда і легенда пра саперніка паэта. Ваўжынец Путкамер і Адам Міцкевіч // Адам Міцкевіч і нацыянальныя культуры. Мн., 1998. С. 146–154.
2. Кулагін А.М. Эклектыка. Архітэктура Беларусі другой паловы XIX–пачатку XX ст. Мн., 2000.
3. Список волостей и сельских обществ по мировым участкам Виленской губернии. Вильно, 1873.
4. Федорук А.Т. Садово-парковое искусство Белоруссии. Мн., 1989.
5. Яструн М. Мицкевич / Пер. с польск. А. Голембы. Мн., 1963.
6. Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Województwo Wileńskie. T. 4. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1993.
7. Jankowski C. Powiat Osmiański. Petersburg, Kraków, 1896. Cz. 1.
8. Метрыка Литевская. Режестры подымного Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo Wileńskie. 1690 r. Warszawa, 1989.
9. Rąkowski G. Ilustrowany przewodnik po zabytkach kultury na Białorusi. Warszawa, 1997.
10. Wawrzykowska-Wierciochowa D. Adam i Maryla. Warszawa, 1990.